

Как мы познакомились

Сейчас точно и не припомню, при каких обстоятельствах я впервые встретился в Москве с Александром Сенкевичем. Скорее всего, меня с ним познакомил мой давнишний друг, выдающийся русский писатель Юрий Мамлеев. Впрочем, я не настаиваю, что этим человеком был именно он. Круг наших общих с Александром друзей и знакомых достаточно широк и обширен. И затрагивает не только граждан Российской Федерации. Например, до нашего знакомства он дружил с жившими в Париже легендарным художником Вильямом Бруем, писательницей Кирой Сапгир, философом, любимицей Мартина Хайдеггера Татьяной Горичевой, лучшей поэтессой третьей волны эмиграции Любовью Молоденковой (Аида Толешкина). Однажды, находясь в гостях у Саши в Москве, я увидел на книжной полке редкую книгу стихов Аиды «Свидетель в созвездии льва» (Париж — Москва, 1998) с лапидарной надписью: «Александр, который меня очаровал 40 лет спустя». Зная суровый нрав автора этой книги, скажу, что такая надпись дорогого стоит.

Ренэ Герра с Александром Сенкевичем

Кроме поэтического дара Александр Сенкевич обладает редким в наши дни даром дружбы. И по мере возможности стремится перезнакомить интересных людей друг с другом.

Юрий Мамлеев рассказал мне о первых шагах Александра Сенкевича в поэзии. Его приветил в 1967 году крупный русский поэт XX века Арсений Тарковский и написал небольшое предисловие к его первой газетной публикации. Оно называлось «Обещание песни». В действительности, как уточнил сам поэт, его стихи послала на отзыв Арсению Тарковскому сотрудница «Комсомольской правды» Ольга Кучкина, ныне известная писательница. Она была знакома с его другом, известным кинооператором-документалистом Вилием Горемыкиным. Так 8 апреля 1967 года состоялся его поэтический дебют в самой популярной молодёжной газете того времени.

В моём архиве хранится ксерокс небольшой заметки Арсения Тарковского с четырьмя стихотворениями начинающего стихотворца. Александр Сенкевич по моей просьбе подарил мне эту публикацию. Прочитав окончание вступительного слова Арсения Тарковского: «Его поэзия — ещё обещание, а не свершение. Но этому обещанию можно довериться, не рискуя обмануться. Вот почему мы рекомендуем стихи А. Сенкевича вниманию читателя, умеющего в незавершённой постройке видеть её будущее — жилой дом, в пахоте — колосающую ниву, в молодых саженцах — высокую рощу, населённую певчими птицами».

К тому же Юрий Мамлеев рассказал мне, что Александр Сенкевич по основной профессии востоковед, индолог, доктор филологических наук. Работает с 1970 года в Институте мировой литературы Российской академии наук.

В восьмидесятые и девяностые годы прошлого века Александр Сенкевич был одним из ведущих российских исследователей современной поэзии на языке хинди. Недаром две его книги об её основных направлениях вышли в Дели в 1983 и 1984 годах в переводе на язык хинди. Презентация первой из этих книг, посвящённая творчеству Хариванш Рая Баччана, прошла в рабочем кабинете Индиры Ганди, тогдашнего премьер-министра Индии. А самое удивительное, как рассказал мне Юрий Мамлеев, Александр Сенкевич написал несколько статей об оккультной прозе русского Зарубежья, начиная с сочинений Елены Блаватской, Веры Крыжановской-Рочестер, Альфреда Хейдока и эссеистики Николая Рериха. Эта информация меня особенно заинтересовала.

От себя ещё добавлю, что, начиная с 2002 года, в ИМЛИ РАН Александр Сенкевич уже не работал. В шестьдесят лет он ушёл на вольные хлеба. Решил сосредоточиться исключительно на литературной работе. Как я знаю, из этого института его сотрудники по своей воле не уходят. Тянут трудовую лямку до последнего часа.

От Юрия Мамлеева я также узнал, что интерес к оккультным сочинениям сопровождался у Александра Сенкевича изучением буддизма в различных его трансформациях. В конце концов, результатом этого интереса было написание им для легендарной серии издательства «Молодая гвардия» «Жизнь замечательных людей» трёх книг: о Сиддхартхе Гаутаме Будде, Елене Блаватской и Венедикте Ерофееве. Последняя книга «Венедикт Ерофеев. Человек нездешний» вышла в октябре прошлого года и по замыслу автора завершила трилогию его мировоззренческих биографий.

Время убыстряет своё движение по мере взросления человека. Не успеешь оглянуться, как уже и вся жизнь прошла. В июле этого года моей дружбе с Сашей будет 23 года. За точку отсчёта я принимаю нашу совместную поездку в июле 1998 года на берег Оки к художнику Борису Свешникову. Мне кажется, что это произошло вчера, настолько чётко, в деталях помню эту встречу с бывшим узником ГУЛАГа, автором всемирно известных лагер-

ных рисунков. Впервые я увидел их в альманахе «Аполлон-77» (Париж, 1977), изданном Михаилом Шемякиным.

Приехали мы в приокскую деревню на новеньком фордовском микроавтобусе, предоставленном в наше распоряжение кем-то из многочисленных поклонниц Александра Сенкевича. С нами были, помимо водителя Павла, моя будущая жена Ирина и наш общий друг, искусствовед-африканист, доктор искусствоведения Виль Мириманов. Тогдашнее летнее жилище великого художника представляло допотопного вида, но чистую избу. На узкоплёночную камеру я снял исхудалого от рака Бориса Свешникова. Снял и интерьер избы: русскую печь, убогий скарб, находящийся в ней, и небольшой столик, за которым работал умирающий гений. И, естественно, его последние рисунки. Через три месяца его не стало.

Возвращаясь в Москву, потрясённые встречей со Свешниковым, мы много говорили о будущем России. Переможет ли вступившая на новую дорогу страна своё большевицкое прошлое? Будет ли поколение, родившееся после 1991 года, не настолько зомбированным, как поколение его дедов и отцов. Саша рассказал несколько историй, связанных с его детскими и юношескими впечатлениями от суровой советской действительности конца сороковых и пятидесятих годов.

Один из его рассказов я запомнил. Родители моего друга были геологами и хотели, чтобы сын пошёл по их стопам. Во время летних каникул, начиная с четырнадцати лет, он работал в разных геологических партиях. То водовозом, то поисковым рабочим, то кашеваром. В шестнадцать лет, в 1957, он всё лето находился в Саянах, в Туве, на границе с Монголией. Работал, как говорят геологи, «в поле» в качестве поискового рабочего в одном из отрядов геологоразведочной экспедиции. Ближе к сентябрю он возвращался на лошади на основную базу экспедиции. Немного заплутал и ночь провёл на втором этаже конторы заброшенного прииска. Проснувшись рано утром, он понял по разбросанным по комнате анкетам заключённых, что попал в контору одного из островков Архипелага ГУЛАГа, к счастью, уже обезлюдевшего. До полудня он читал эти бумаги. Особенно его поразили анкеты политзаключённых.

Как выяснилось в тот приснопамятный июльский день 1998 года, у меня с Александром Сенкевичем оказалось много общего во взгляде на писателей и художников Русского зарубежья,

начиная с Ивана Бунина, Бориса Зайцева, Владимира Набокова, Марка Алданова. Мы пришли к обоюдному согласию, из каких духовных источников следует черпать живую воду для возрождения великой русской литературы и культуры. Мало будет толка, если русские писатели, его современники, без удержки увлекутся русским квасом или американской кока-колой.

«Иных уж нет, а те далече»

Увы, с каждым проходящим годом наш дружеский круг всё сужается и сужается. Многие хорошие друзья ушли из жизни. Как писал Пушкин, «иных уж нет, а те далече». Среди них Виль Мириманов, латышский поэт Имант Аузинь, Юрий Мамлеев, литературовед, публицист и телеведущий Святослав Бэлза, художники Сергей Чепик и Оскар Рабин, Анатолий Коршиков, бывший директор музея-усадьбы «Остафьево», восстановивший за относительно короткий срок этот «Русский Парнас» в его прежнем великолепии.

В одном из сонетов Сенкевича («День поэзии», 1981) есть строки: «Что делать без друзей? К чему тогда пиры // и жарких слов искусные узоры, // которыми расшиты разговоры // как ферязи² ивановой поры».

Анатолию Коршикову Александр Сенкевич посвятил одно из лучших своих стихотворений, которое начинается со следующих строк:

Бывают дни, когда не по себе,
когда бездумно топчемся на месте
и поступаем часто по злобѣ,
а не по зову неподкупной чести.
Тогда бегу под сень высоких лип,
что выросли у дома с колоннадой.
Там мой Парнас и там же мой Олимп,
мир благолепия, вскормленный Элладой,
в который наши пращуры смогли
внести со страстью пылкой и новой
блаженный дух отеческой земли,
что освящён был правдою Христовой.

² Фѣрязь — старинная русская и польская одежда (мужская и женская) с длинными рукавами, без воротника и перехвата. Применялась как парадная верхняя одежда боярами и дворянами. Надевалась поверх кафтана.

И завершает поэт это стихотворение беспощадными строками по отношению к своему поколению (и соответственно к самому себе):

Что мы вещаем — вздорная гугня,
а поступаем, словно шлёпогубы.
В нас нет ни вдохновенья, ни огня,
душой нечисты и натурой грубы.
К тому же в нас не вымерла орда.
И смрадный дух набегов и разбоя
Из рода в род, однажды и всегда,
туманя разум, тащит за собою.

Не знаю, насколько я прав, но думаю, что именно в этом стихотворении чётко обозначена та линия культурного горизонта, к которой в своём творчестве, поэтическом и прозаическом, настойчиво движется Александр Сенкевич.

Во второй половине 90-х годов прошлого века и в первое десятилетие XXI века он возглавлял Международное Общество культурного и делового сотрудничества с Индией и часто выступал в различных аудиториях со своими переводами индийских поэтов и стихами об Индии, а также с лекциями о Елене Блаватской и семье Рерихов. Во второй половине 90-х годов после издания в Париже его первой книги «Случайная игра» (1994) начались его многочисленные авторские поэтические вечера. Это первое собрание стихотворений Александра Сенкевича получило широкий отклик в российской прессе. На него вышли рецензии в «Литературной газете», «Книжном обозрении», «Независимой газете», «Литературной России», «Московской правде».

Отклик российской прессы вызвал также вечер в большом зале Центрального Дома Литераторов в ноябре 2002 года, посвящённый презентации его первой книги «Чувство бытия», изданной в России. Вечер вёл Святослав Бэлза, который сказал: «Поэзия Александра Сенкевича не драпируется в одежды “электронной эры”, а восходит к высоким традициям Серебряного века. Автор этой книги — гуру и волшебник, мистификатор и визионер» (МК., 23.11.2002).

Критик Лола Звонарёва вспоминает тот же самый вечер в своей книге «В поисках ключа к бессмертию» (2008): «За последние десять лет мне лишь дважды приходилось видеть заполненным большой зал Центрального Дома Литераторов, рассчитанный на

полторы тысячи мест — во время презентации трёхтомника давно умершего во Франции поэта-эмигранта Георгия Иванова и на творческом вечере шестидесятилетнего московского поэта Александра Сенкевича». Она же отметила характерную черту публичных выступлений Александра Сенкевича — их массовость.

Я подтверждаю ему сказанное. В Москве, Риге, Париже, где я председательствовал или сопредседательствовал, — везде на его выступлениях был полный аншлаги.

Поводом поэтического вечера Александра Сенкевича в Риге стала презентация книги-бilingвы его стихотворений «Мерцающая тьма» (2004) с многочисленными иллюстрациями живущего в Париже Сергея Чепика. Он обрёл мировую известность благодаря живописным картинам на темы «Нового Завета». На них изображён путь Христа от рождения до Голгофы. Эти полотна несколько лет экспонировались в лондонском соборе Святого Павла. Я познакомил с ним Александра Сенкевича в Париже года за два до выхода книги «Мерцающая тьма». Они чуть ли не с первой встречи стали друзьями. Другой мой друг художник Оскар Рабин предоставил свои рисунки для поэтической книги «Западание клавиш», также изданной в Риге на русском языке тремя тиражами в 2010, 2011 и 2012 годы.

Сергей Чепик и Оскар Рабин очень тепло и с восхищением говорят о поэзии Александра Сенкевича в коротком документальном фильме Леси Мацко, снятом к его творческому вечеру «50 лет в поэзии» в Доме-музее М.И. Цветаевой в Борисоглебском переулке, который состоялся в воскресенье 14 ноября 2010 года. Его вели Святослав Бэлза и я. Вечер длился четыре часа. Было столпотворение. Слушатели стояли в проходе между рядами стульев, за сценой и в коридоре. То же самое происходило в Риге и Париже.

Книгу Александра Сенкевича «Мерцающая тьма» выпустило рижское издательство «ЮМАВА». Эта была вторая авторская книга-бilingва стихотворений на русском и латышском языках, изданная в Латвии. В 2003 году в Риге отдельным изданием вышли избранные стихотворения Анны Ахматовой в переводе Аманды Айзпуриете. Рижская книга Александра Сенкевича имеет посвящение: «Памяти моего друга Юрия Сенкевича, исследователя и странника, человека большой души».

Презентация книги Александра Сенкевича «Мерцающая тьма» состоялась 19 февраля 2005 года в Риге, в Белом зале Общества латышской культуры на улице Меркеля, 13. Она превратилась в чествование двух поэтов. Александра Сенкевича, и пере-

водчика книги, знаменитого латышского поэта Иманта Аузиня. Ведь Имант Аузинь, как отмечали рижские газеты и журналы, великолепно перевёл стихи своего собрата из России. Эту презентацию, превратившуюся в поэтический вечер на русском и латышском языках, я вёл вместе с Лолой Звонарёвой. Незадолго до этой презентации на латвийском радио вышла обстоятельная часовая передача о поэтическом и прозаическом творчестве Александра Сенкевича в авторской программе Марины Костецкой «Домская площадь».

Третья поэтическая книга Александра Сенкевича «Предвестье» (его вторая книга-билингва) вышла в Риге в 2007 году также с параллельным переводом Иманта Аузиня. Прошедший через ГУЛАГ замечательный поэт и публицист Лазарь Шерешевский в журнале «Знамя» (2008, май) писал: «Сенкевич во многих своих стихах — странник, путешественник, паломник (для обозначения такого рода существования он нашёл весьма ёмкое слово «походька»), в его творчестве присутствует и Запад, и Восток. И, конечно же, Россия — в живописном этюде (Когда туманов белизна // разбавит темень фиолета...), и в графической зарисовке (там, где причалены лодки // и где вклинилась в реку коса...). На правах иллюстраций присутствуют в книге А. Сенкевича работы известного художника Вильяма Бруя. В его округлённых построениях, избегающих прямо- и остроугольности, совмещающих почти абстрактный узор с фигуративными элементами, проступает завершенность космоса в его проявлениях, спирали, параболы, эллипса, свойственные небесным телам и орбитам и земным растениям и плодам, — и такое мировоззрение близко стихам Сенкевича с их философским виденьем и изобразительной пластичностью:

Это поступь тигриная плоти
и огарок тягучего сна.
Это сладость, которую пьёте,
осушая колодцы до дна.
Это звучная музыка тела,
разговение после поста.
И манящая тайна пробела,
и вводящая в жар пустота».

Отклики неравнодушных

Так в чём же причина успеха Александра Сенкевича как поэта? Это при том, что толстые журналы (за исключением двух ре-

цензий на его сборники в «Знамени» и одной в «Дружбе народов») его словно не замечают. Другое дело российские газеты, особенно «Московский комсомолец» и «Независимая газета».

Попытаюсь в этой ситуации разобраться, опираясь на мнения других писателей. Я полагаю, что Александр Сенкевич не обманул ожиданий Арсения Тарковского. Со мной согласен Юрий Мамлеев, написавший послесловие к изданному в 2002 году в Москве сборнику стихотворений моего друга «Чувство бытия»: «Вся ткань поэзии Сенкевича создана из своего рода естественных противоречий, характерных для человеческого бытия, Женщина, смерть, природа — вот стихия такого бытия, его благодатная почва. Всё это не может вызвать переживаний, пронизанных всем разнообразием чувств. Но ощутимее всего здесь боль, рождённая острой потерей и непреодолимыми противоречиями. (...) И всё же финальный мотив поэзии Сенкевича — не абсолютизация ужаса перед гибелью плоти, а, наоборот, торжество духа. Духа поэта, который в земных своих странствиях преодолел соблазн “сладостного падения в бездонные тартарары” — великой ценой незаживающей сердечной раны и высоких прозрений, слепящих, как “солнечный всплеск витражей”. Недаром звучит в книге Сенкевича короткое, как выстрел, заклинание:

Не приведи, Господь,
чтоб уцелела плоть,
а светлая душа,
как тёмный снег, сошла».

К высокой оценке поэзии Александра Сенкевича присоединяется другой мэтр — Евгений Рейн в предисловии «Зазеркалье Александра Сенкевича» к сборнику «Скользящие тени» (Москва, 2011): «Вещность, чувственность, изошрённая зримость — вот главные истоки поэтики Александра Сенкевича. Как это, например, интересно сделано в стихотворении “Парижская встреча с Матиссом”:

Расслабленные женщины Матисса
разбросаны, как розу на полу.
Обманщицы, метрески и актрисы,
коснёшься их — как сядешь на иглу.

Как здесь бьётся пульс, это очарование самой жизни! Между стихами и реальностью никакого зазора, иногда кажется, что эти

стихи — просто набросок, остановившееся мгновенье, пойманное словами, как рыба сетью. Однако они скрепляются единством интонаций, неким всем им предшествующим и в них слышным размахом, единством лирического переживания. Это определяет и поэтику, чёткую, внятную и порой стремительную. Далёкие, например, восточные образы смыкаются в единое целое, не требующее буквальной расшифровки, но в своей естественной чистоте и простоте — вполне убедительное. Многие стихи обладают сильным и точным дыханием, да и весь поэтический строй у Александра Сенкевича, несмотря на сужающий границы жанр посвящений, обладает резким и, я бы сказал, выстраданным звуком. А звук — самая важная вещь в стихах».

В статье «От переводчика», предвещающей поэтические тексты Александра Сенкевича в книге «Мерцающая тьма», Иммануил Аузинь пишет: «В поэзии любого народа происходит самопроверка, новое возвращение к корням — в поисках общих истоков человечности. Не вижу здесь никаких непреодолимых рубежей между молодыми — и тронутыми сединой опыта. Конечно, если этот опыт есть. А у Александра Сенкевича он богатый. Приведу лишь несколько примеров живой, неутихающей боли в душе человека, переступившего рубеж нового столетия. Если бы от меня что-то зависело в деле образования в соседних странах, я бы непременно включил в школьные учебные программы стихотворение Сенкевича в три строчки:

Выпускали....

Выпускали стрекоз...

Выпускали стрекоз на мороз.

Короче и точнее, наверное, невозможно выразить целую историческую эпоху и судьбы миллионов».

«Мерцающую тьму» с дарственной надписью автора, одну из двадцати пяти пронумерованных экземпляров в кожаном переплёте, я храню в своём книжном собрании среди других раритетов.

Поэт и прозаик Сергей Шаргунов откликнулся на выход этой книги в «Независимой газете» за восемь дней до её презентации в Риге. Каким-то чудом она попала ему в руки. Прочитав несколько точных наблюдений одного поэта о поэтическом творчестве другого: «Стихи Сенкевича — это уникальный случай, когда слова не совсем слова. Их музыкальная легковесность и смысловая тяжесть вводят читателя в прелестную прострацию. Стре-

kozy летят на убийственный мороз яви — в этом героизм бытия, в этом его сновиденческое безумие, и та боль, уловить которую может только самое чуткое сердце. «Силой, властью и богатством / или чем-нибудь иным / залатать мне не удастся / превратившееся в дым». Зато своим талантом можно передать этот дым — словами».

Вечер Александра Сенкевича в Париже, мною организованный и ведущим которого я был, проходил 2 декабря 2005 года в Толстовском зале Института славяноведения при Сорбонне. В этом зале выступали многие именитые поэты. Из русских писателей — Алексей Ремизов и Иосиф Бродский. Это историческое место. Институт славяноведения на улице Мишле был основан в 1919 году под эгидой французского Министерства иностранных дел в содружестве с пражским Институтом имени Эрнеста-Дени при поддержке Софийского и Загребского университетов. На этот вечер пришёл Оскар Рабин с женой. Из Москвы в Париж на выступление Александра Сенкевича прилетела Наталья Дардыкина, старейшая журналистка МК. Вот уже в течение тридцати лет она внимательно следит на страницах газеты за его литературным творчеством. Она даже посвятила ему своё стихотворение «У Сенкевича каждый звук — свеча!». Наталья Дардыкина тогда сказала: «И самое удивительное в этом поэте, человеке — откровенность, открытость, неиссякаемая жажда жизни и столь же неиссякаемое вдохновение, ибо глубинным фоном, камертоном, лейтмотивом его полнозвучной лиры навсегда остаётся Бытие. Оно, Бытие, блещет и мерцает гранями, будто кристалл прозрения, брошенный на зелёный бархат игорного стола, имя которому Жизнь».

Сказано красноречиво и верно.

Франция, Париж

От редакции: Редакция журнала «На русских просторах» сердечно поздравляет Александра Николаевича Сенкевича, автора журнала, с 80-летием и желает ему дальнейших творческих успехов, новых книг, эссе, статей. Рады будем увидеть вновь Ваши работы, дорогой Александр Николаевич, на страницах журнала.